

— Я немного проголодался, поэтому хозя... Учитель Вэнь приготовил мне лапшу. Я сейчас доем и сам приберусь на кухне, спасибо за угощение.

Вэнь Чжэчэна всякий раз забавляло, когда Жун Юйхэн начинал вежливо церемониться.

— Ты остался без ужина, если сейчас не поешь, то совсем ослабеешь от голода. Кухню прибирать не нужно, я сам всё сделаю чуть позже.

Услышав это, Вэнь Чжунюнь тут же принялся отчитывать Вэнь Чжэчэна:

— Как ты мог оставить ребёнка голодным до такого времени? — сокрушался он. — Раз уж привёл гостя в дом, будь добр позаботиться о нём как следует! Вот это я понимаю — гостеприимство!

Жун Юйхэн поспешил оправдать Вэнь Чжэчэна:

— Что вы, нет-нет! Я только-только проголодался! Это я проголодался слишком поздно, да ещё и побеспокоил Учителя Вэня, заставив его готовить в такой час.

Только тогда лицо Вэнь Чжунюня смягчилось. Он ласково потрепал Жун Юйхэна по макушке:

— Ох, тогда ешь побольше. Совсем ещё дитя, одни кости, одежда на тебе висит.

— ...

Видя, что у Жун Юйхэна от этих поглаживаний волосы уже встали дыбом, Вэнь Чжэчэн поспешил прийти на помощь:

— Пап, дай ему спокойно поесть.

— Ладно-ладно... — старый артист нехотя, медленным шагом двинулся прочь...

Дойдя до дверей столовой, Вэнь Чжунюнь вдруг обернулся.

В теплом оранжевом свете лампы над миской с горячей лапшой поднимался легкий пар, смягчая утонченные черты лица Жун Юйхэна. Тот с аппетитом уплетал лапшу, а Вэнь Чжэчэн, опершись руками о стол, слегка наклонился к нему. Взгляд его был мягким и сосредоточенным, а на губах играла редкая, довольная улыбка.

Вэнь Чжунюня это зрелище тронуло до глубины души, и его глаза мгновенно увлажнились.

Он ведь не выжил из ума, чтобы радоваться любому симпатичному мальчишке, которого сын притащит в дом. В глубине души Вэнь Чжунюнь был благодарен Жун Юйхэну. Ему казалось, что рядом с ним его сын наконец-то выглядел живым и полным юношеской энергии.

В молодости он слишком много времени отдавал театру и не смог как следует позаботиться о Вэнь Чжэчэне. Сын вырос в мгновение ока. Ему было всего двадцать с небольшим, но держался он гораздо сдержаннее и серьезнее, чем его отец в те же годы.

Всякий раз, видя Вэнь Чжэчэна таким, Вэнь Чжунюнь чувствовал вину, и на сердце у него становилось тяжело. Порой он нарочно шумел и суетился, но это никак не помогало растормошить сына.

Вэнь Чжунюнь развернулся и ушел к себе в комнату.

Какие бы чувства ни связывали Вэнь Чжэчэна с этим мальчиком, пусть так и будет. К старости родителям хочется лишь одного — чтобы их дети были счастливы.

...

Тем временем Жун Юйхэн продолжал уплетать лапшу за обе щеки.

В душе он вовсю рассыпался в комплиментах Вэнь Чжэчэну: «Божественный хозяин, божественный корм! Обожаю!»

Вэнь Чжэчэн какое-то время смотрел на него сверху вниз, а затем спросил:

— Вкусно?

Жун Юйхэн поднял голову, держа в зубах свисающие макароны, похожие на маленький водопад:

— Вкушно!

Видя, что говорить с задранной головой тому неудобно, Вэнь Чжэчэн отодвинул стул и сел рядом. Подперев подбородок рукой, он принялся с удовольствием наблюдать за трапезой:

— Угу, ешь побольше.

Жун Юйхэн закивал. Его щеки надулись, а блестящие от масла губы выглядели так аппетитно, что невольно пробуждали желание присоединиться к нему.

Вэнь Чжэчэн вдруг вспомнил слова Сяотана о том, что красотой можно насытиться, и его сердце сладостно екнуло.

Умыв больше половины миски, Жун Юйхэн почти наелся. Однако выбрасывать остатки ему было неловко, поэтому он принялся медленно, по одной ниточке, втягивать лапшу.

Вэнь Чжэчэн спросил:

— Наелся?

Жун Юйхэн замер на полуслове и осторожно взглянул на лицо собеседника, пытаясь угадать его реакцию.

Вэнь Чжэчэн улыбнулся:

— Не пихай в себя через силу, если больше не лезет. Я изначально сварил с запасом.

Жун Юйхэн с грустью посмотрел на миску:

— Это же божественный корм, мне так жалко его переводить!

Услышав это, Вэнь Чжэчэн протянул руку и придвинул миску к себе:

— Я доем, так что не пропадет.

...Жун Юйхэн опешил!

Сжимая в руках палочки, он ошеломленно наблюдал за происходящим, отказываясь верить

своим глазам: Вэнь Чжэчэн собирается доедать за ним?!

— Хозяин, ну зачем так... Сказал бы раньше, мы бы просто поделили ее на двоих.

Вэнь Чжэчэн забрал из его рук палочки, подцепил порцию лапши и непринужденно отправил в рот:

— Я не особо голоден. Просто ты так аппетитно ел, что мне тоже захотелось попробовать.

Мозг Жун Юйхэна все еще отчаянно зависал. Выдав глухое «оу», он подумал: «Черт, Вэнь Чжэчэн действительно ест его недоеденную лапшу!»

Сидевший рядом Вэнь Чжэчэн с невозмутимым видом жевал лапшу, а про себя думал: «Черт, если округлить, то это считается за поцелуй!»

Покончив с едой, каждый со своими мыслями, они вместе прибрались на кухне.

Было уже начало одиннадцатого, за окном стояла глубокая ночь. Жун Юйхэн выглянул на улицу и сказал:

— Пожалуй, я вызову такси. Не провожай меня, а то дорога туда-обратно займет целый час.

Вэнь Чжэчэн, вешавший фартук на крючок, на секунду замер. Сглотнув, он как можно более непринужденно произнес:

— Слишком поздно, ехать одному небезопасно. Ложись спать сегодня здесь.

Жун Юйхэн промолчал пару секунд и почувствовал, как в нем позорно заговорил соблазн согласиться.

— Но у меня нет с собой ни умывальных принадлежностей, ни сменной одежды.

— Дома найдутся новые зубная щетка и стакан, — ответил Вэнь Чжэчэн. — За нижним бельем я спущусь в магазин, а из одежды... можешь надеть мою.

Жун Юйхэн облизнул губы и смущенно опустил голову:

— Это доставит тебе столько хлопот, как-то неудобно...

Заметив это притворно-скромное выражение лица, Вэнь Чжэчэн сразу понял, что тот просто кокетничает ради приличия. На душе у него мгновенно распустились цветы:

— Никаких хлопот. В нашем квартале есть круглосуточный магазин. Иди пока в душ, а я быстро сбегаю вниз и всё куплю.

Он сделал паузу и тихонько кашлянул:

— ...Какой у тебя размер?

В памяти Жун Юйхэна, короткой, как у золотой рыбки, завертелись шестеренки, но, не придя ни к какому результату, он тут же сдался. Одежду и белье ему всегда покупали домашние слуги, и он никогда не интересовался размерами.

Жун Юйхэн оттянул назад пояс штанов и повернулся к Вэнь Чжэчэну:

— Глянь, там сзади есть ярлычок?

Офигеть.

Лицо Вэнь Чжэчэна мгновенно вспыхнуло!

Талия у Жун Юйхэна была тонкой, зато бедра — округлыми и крепкими.

Сейчас он так сильно отключил зад, что, когда пояс оттянулся, Вэнь Чжэчэн смог разглядеть манящую ложбинку между ягодицами...

Вэнь Чжэчэн бросил быстрый взгляд и тут же отвернулся, чувствуя, как внизу живота разливается жар:

— Ладно, я понял.

— Тогда я пошел в душ. А где ванная? — спросил Жун Юйхэн.

Вэнь Чжэчэн проводил его в совмещенную со спальней ванную комнату:

— Можешь помыться в моей комнате. Вот корзина для грязного белья, а те средства на полке можешь брать любые. Чистые полотенца лежат в шкафу, бери какое понравится.

Договорив, Вэнь Чжэчэн направился к выходу:

— Я ушел. Вернусь минут через десять, так что не торопись.

Жун Юйхэн, стоя в ванной, захихикал и помахал ему рукой:

— Знаю-знаю, а то перевозбужусь!

Вэнь Чжэчэн промолчал.

Внутренний пожар в Вэнь Чжэчэне еще не успел утихнуть, поэтому он бросил на Жун Юйхэна предупреждающий взгляд:

— Прекрати эти пошлые шуточки.

Жун Юйхэн возмущился так, словно его лишили величайшей радости в жизни:

— Это еще почему?!

Дверь ванной с щелчком захлопнулась, донеслись лишь загадочные слова Вэнь Чжэчэна:

— Кто роет яму другому, сам в нее попадет.

От автора:

Сейчас — Вэнь Чжэчэн: «Я сейчас умру».

Позже — Жун Юйхэн: «Я сейчас умру...»

Сказав это, Вэнь Чжэчэн ушел.

Оставив Жун Юйхэна в недоумении смотреть на закрытую дверь... Он ведь всего лишь добрый

хомячок, он никогда никому не вредил.

Поняв, что разгадать эту загадку ему не под силу, Жун Юйхэн по своей привычке решил не забивать себе голову, быстро скинул одежду и залез в душ.

Напор воды в душе у Вэнь Чжэчэна был на редкость приятным, а вода — теплой. Ванную окутал густой пар. Под усыпляющий шум воды Жун Юйхэна вскоре начало клонить в сон, и его глаза стали медленно закрываться.

Вода лилась ему на макушку, словно смывая остатки интеллекта напрямик в канализацию...

Немного вздремнув, Жун Юйхэн встряхнул головой и пришел в себя. Слишком быстро мыться нельзя, а то «перевозбудится».

Немного подумав, он решил распеться, чтобы прогнать сонливость:

Звонкий тенор вмиг раскатился по ванной и, смешиваясь с шумом воды, создавал эффект легкого эха. Звуки просачивались сквозь щель под дверью и разносились по всей спальне:

— Красивые горы, красивая вода, прекрасные места~ Все дороги широки и просторны~

Только что вошедший в спальню Вэнь Чжэчэн застыл:

— ?

Пение Жун Юйхэна под шум воды становилось все громче и пронзительнее:

— Для друзей у нас найдется доброе вино~ Ну а если явится волк, его встретит ружье!

«...» — подумал волк Вэнь.

Держа в руках купленное белье, он почувствовал, как все его романтические фантазии мгновенно улетучились.

Вэнь Чжэчэн повесил белье вместе с халатом на ручку двери и постучал, прерывая упоительное пение Жун Юйхэна:

— Я повесил одежду на ручку. Домоешься — забирай.

Пение резко оборвалось, и из-за двери сквозь клубы пара донесся приглушенный голос:

— Спасибо, хозяин!

Вэнь Чжэчэн замер. Ему показалось, что улетучившиеся были мысли вновь начинают собираться воедино.

Жун Юйхэн быстро сполоснулся, обернулся полотенцем и, приоткрыв дверь, высунул голову наружу, чтобы осмотреться.